

Журнал «Огонек»

№6, 1961

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Ж92

Ж92 Журнал «Огонек»: №6, 1961 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 44 с.

ISBN 978-5-458-70276-8

«Огонёк» — российский и советский общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный еженедельный журнал. С 1923 года выходит в Москве. Первый номер журнала вышел в свет 9 декабря (21 декабря по новому стилю) 1899 года как еженедельное иллюстрированное литературно-художественное приложение к газете «Биржевые ведомости», издателя Станислава Проппера. В 1918 году выпуск журнала прекратился и был возобновлен стараниями Михаила Кольцова в 1923 году. До 1940 года — выходило 36 номеров в год, с 1940 года — еженедельник. В советское время журнал выпускался издательством «Правда», в котором, как приложение к журналу с 1946 года, также выходила «Библиотека „Огонька“» — собрания сочинений отечественных и зарубежных классиков.

ISBN 978-5-458-70276-8

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

←
В зале заседаний
Пленума.

Дважды Герой Социалистического Труда Б. А. Долгий из колхоза имени Сталина, Тернопольской области, беседует с участниками Пленума.

То, что сказано с трибуны Пленума, находит горячий отклик среди его участников. Доярки — Н. Самойленко из колхоза имени Сталина, Киевской области, и Герой Социалистического Труда Р. Кот из колхоза имени Шевченко, Житомирской области, в перерыве между заседаниями.

Разговор идет серьезный. Директор Научно-исследовательского института животноводства лесостепи и полесья УССР Н. А. Давиденко, академик директор Института генетики Академии наук СССР Т. Д. Лысенко и министр сельского хозяйства СССР М. А. Ольшавский.

До начала заседания интересно прочитать, что делают другие республики, воплощая в жизнь решения январского Пленума ЦК КПСС.

Фото А. НОВИКОВА.

КАКОЙ ОН БЫЛ, ЯРОШЕНКО

З. ХИРЕН

Во время выступления секретаря Марьинского райкома партии Сталинской области З. Н. Глухова на Пленуме Центрального Комитета КПСС Н. С. Хрущев спросил: — Товарищ Глухов, а как у вас теперь дела с подсолнечником? Ярошенко умер?..

Кто такой Ярошенко? О нем несколько дней спустя рассказал З. Н. Глухов.

— Иосиф Демидович Ярошенко — колхозник. У меня дома есть снимок, на котором Ярошенко сфотографирован вместе с Никитой Сергеевичем. Вот история этой фотографии. Дело было в августе 1954 года. Никита Сергеевич приехал в Донбасс, и колхозники, узнав, что он на шахте имени Челюскинцев, решили обязательно пригласить его к себе. Ведь вы уже, наверное, слышали о том, что Никита Сергеевич Хрущев в двадцатых годах был секретарем нашего Марьинского райкома партии. И после отъезда из Донбасса Никита Сергеевич к нам часто приезжал. Очень возможно, что без приглашения захватил бы и на сей раз. Но все-таки колхозники настояли, и я отправился к шахтерам. Там Н. С. Хрущев проводил

совещание, и, когда оно кончилось, я сразу же к нему подошел и стал приглашать к нам. Говорю: «Всего два километра — и мы будем в Марьинке». Никита Сергеевич смеется: «Не два, а все десять. Уж это я хорошо знаю».

В Марьинском районе живет много людей, работавших вместе с Н. С. Хрущевым, знают его в каждом селе, и обычно когда Никита Сергеевич приезжает, то он обязательно встречается со старейшими колхозниками. Как правило, первым среди них всегда был Иосиф Демидович Ярошенко. Так было и в тот августовский день.

В то лето на Украине скопили на силос, ссылаясь на засуху, много подсолнуха и кукурузы. Ярошенко же решительно отказался. И что же? Завено его получили по 23 центнера семян подсолнуха с гектара. Так поступил и весь Марьинский район.

Не стану вам говорить о знаменитой бороде Ярошенко — она славились на весь район, — об орлином его взгляде — а он действительно был орлиным, потому что видел этот колхозник очень далеко. Мы, партийные работники, часто с Ярошенко советовались, и дядя нас не подводил.

...Умер Ярошенко восьмидесяти пяти лет, и вот, представьте, вспомнили о нем не только в его родной Антоновке, но только в Марьинке, но и в Москве, на Пленуме ЦК КПСС.

Героем Социалистического Труда стал он, когда ему было уже за семьдесят. Звание это ему присвоили за работу, за тот самый подсолнечник, о котором спросил Никита Сергеевич на Пленуме. Я работаю в этом районе без малого двадцать лет. После войны хозяйство пришло в запустение. Никто сначала даже не решился вспомнить о довоенных высоких урожаях. Техники не было, на сев выходили с лукошком. И вот приходит тогда ко мне в райком Ярошенко и заявляет, что думает со своим звеном снимать по 25 центнеров подсолнечника с гектара. Я знал, что старик никогда слов на ветер не бросал. Но люди помоложе отнеслись скептически к предложению Ярошенко. Говорили, что вряд ли удастся добиться такого урожая, к тому же ведь Ярошенко болело стар. Деду ничего, конечно, не сказали. Взялся Ярошенко за дело горячо, но, к сожалению, убрал только по 21 центнеру с гектара. Надо сказать, что по тем време-

нам это был тоже громадный урожай. На другой год снял по 25, через год — по 27 центнеров. А выражение лица у него оставалось такое, что не поймешь, доволен или огорчен.

Ринулись все на делянку звена Ярошенко. Дядя бороду поглаживает, объясняет каждому в отдельности. Почему в отдельности? Потому, что дядя не любил ни общих слов, ни общих докладов.

Вот, скажем, сын отделился от отца, женился, построил себе домик, объясняет каждому в отдельности. Почему в отдельности? Потому, что дядя не любил ни общих слов, ни общих докладов.

Так вот и в земледелии. Чуть свет Ярошенко приезжает то к одному ученику, то к другому. Приезжает не в хату, не в гости, а в поле, приезжает, когда еще спят. Посмотрит, прикинет, что хорошего, что плохого. А себерут в районе совещание — Ярошенко слушает, а возьмет слово — да и давай подробнейшим образом разбирать, что называется, каждую грядку. Хозяева не поймут, откуда старик уже известно: прямо по фамилиям каждую подсолнух знает. Ярошенко не спешит ни открывать свою «тайну».

РЕКОНСТРУИРУЕТСЯ И РАСШИРЯЕТСЯ ТБИЛИСКИЙ ЗАВОД имени В. И. Ленина, выпускающий тяжеле-

ловесные восьмисосные электротрансы. Завод вошел в строй накануне XXI съезда Коммунистической партии. Прошло два года, и молодые строители приступили к модернизации марки «И-8». На заводе, по существу, родились проект новой машины. Тбилисцы обещают, что к XXII съезду нашей партии на электрификацию введены новые станки выйдут несколько опытных образцов магистрального локомотива «Т-8».

Труженики локомотивостроения проектируют пассажирский электровоз, который также посвящают съезду родной партии.

На снимке: сооружается второй корпус Тбилисского электровозостроительного завода имени В. И. Ленина.

Фото М. Квирикашвили.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДЕЛА ЛЕНИНГРАДСКИХ МОНТАЖНИКОВ, возглавляемых И. Г. Шаповаловым, подвиги комплексной бригадой строителей Ангарска. Ангарские строители вызвали ленинградцев на социалистическое соревнование и обязались выполнить годовой план по дню открытия XXII съезда КПСС. В бригаде Лапичной — одном из первых в Ангарске коллективе коммунистического труда — 28 человек.

На снимке: ударница коммунистического труда Валерия Можилы работает на новом нарусельном автомате.

Фото Е. Драйшнера (ТАСС).

Все они владеют несколькими специальностями. В прошлом году строители прибили к жилому фонду города еще 18 170 квадратных метров жилья. Это значит, что каждый из них построил за год 24 квартиры. К началу наступившего года бригада достигла уровня производительности труда, запланированного на конец семилетия. Все рабочие не только отлично трудятся, но и учатся. Сам Борис Лапичный — студент-заочник политехнического института.

На снимке: бригадир Борис Лапичный и звеньевой Гусейн Салихатдинов.

Фото М. Минсера.

«20 ТЫСЯЧ ЛЬЕ ПО ЗЕМЛЕ», фильм, который в русском варианте называется «Леон Гаррос ищет друга», имеет большой успех в Париже.

В крупнейшем кинотеатре Парижа «Берлиэ» где состоялась премьера, присутствовала делегация советских киноработников. Ведь фильм снимался в Советском Союзе с участием наших и французских артистов.

На снимке: парижские зрители приветствуют Т. Самойлову, исполнительницу роли Неташ.

Фото «Дальмас».

В. Н. Рыжовой 90 лет

В истории Малого театра есть актерские династии, представители которых на протяжении ста лет и более играют на его сцене.

К одной из таких династий принадлежит народная артистка СССР Варвара Николаевна Рыжова, выдающаяся представительница реалистической школы актерского мастерства, школы Щепкина, Островского, Садовских.

В 1893 году Варвара Николаевна была принята в труппу Малого театра и с тех пор сыграла на его сцене около 300 ролей.

В. Н. Рыжова — подлинно народная артистка по самой сути своего дарования. С предельной полнотой и проницательностью показала она зрителю в многочисленных своих ролях русскую женщину, величие ее души и жизнеутверждающую силу.

Фото Е. Умнова.

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

...Многое еще можно было бы рассказать о человеке, которого вспомнил на Пленуме ЦК КПСС Никита Сергеевич.

Во время укрупнения колхозов предстояло соединиться двум селам, которые с давних времен не дружили между собой. Антоновка — село, в котором жил Ярошенко, — не очень-то соглашалась. Когда назначили собрание, антоновцы отказались пойти к соседям. Стоят, спорят, и тут Ярошенко поднял руку и шагнул вперед. И вот, представьте себе, за ним пошло все село. Сейчас великая дружба там.

Старик мытников не терпел. Бывало, заведет кто-нибудь разговор о плохой погоде, а он со злостью оборвет: «Засуха! Да мы всю жизнь так прожили, а хлеба больше других сдаем. Вот тебе и засуха! Лень, анну, тебе землю поглубже взрыхлить. Взрыхлил бы — и никакая засуха не страшна!»

Считалось, что Ярошенко — человек очень суровый, не любит шуток. Говорить любит только о деле. Это не совсем верно. Любил он и пошутить, но только как-то по-своему.

Ярошенко был беспартийным, но мы часто приглашали его на партийные собрания. Как-то прибегает девушка к нему в хату и спрашивает: «Где дед!» Жена Ярошенко отвечает: «Дома нет». «Вот досада!» — говорит девушка. — Завут на партсобрание, должен он у нас выступать».

Сам Ярошенко не верил в бога

и при любом случае смеялся над попами и над церковью, а жена вот была очень религиозной. Приходит Ярошенко домой, а жена с допросом:

— Ты что же от меня скрыл — в партию вступил и молчишь?

Смеялся в чем дело и решил подшутить.

— Вступил, — отвечает, — когда в Киев ездил, записался.

Ну, бабка и разгорячилась...

Хоронили Иосифа Демидовича всем районом. Пришли и старые и малые. Марьинка раскинулась в сердце Донбасса. Мы ведь кормим шахтеров. И, между прочим, Ярошенко часто, выступая на совещаниях, об этом напоминал молодым колхозникам. Пришли хоронить его не только селяне, но и шахтеры. Получилась дружба серпа и молота — так сказал приятель Ярошенко Емельян Федорович Гомля. И это золотые слова.

Однако рассказ о Ярошенко на этом не кончается... Вечером я позвонил в Марьинку, и мне сообщили, что его внуки Иван, Николай, Василий и правнучка Раиса вместе с невесткой Матреной Васильевной, вместе со старыми его соратниками Василисой Брагой и Евгенией Шейко объединились в одно звено и решили увековечить память своего славного ланкового новыми высокими урожайми подсолнуха и кукурузы.

Бригадир Самат Рахматов.

Фото Н. Душина.

Чтобы друг не отстал в пути...

Елена МИКУЛИНА

Это была очень старая чайхана. Никто из шахтеров, жителей нового Ангрена, не помнит, когда абивались столбы, поддерживающие дырвый, выгоревший на солнце навес над ее столами. Никто не помнит юности карагача, в тени которого расположилась чайханчик со своими самоварами.

И посетителей в этой чайхане бывало мало. Только по пятницам на суплах, покрытых облезлыми, как шкура верблюда, коврами, собирались седебородые старики в праздничных, белоснежных чалмах. В другие дни чайхана пустовала, и, сидя на корточках возле кипящих самоваров, чайханчик скучал. Шахтеры и строители предпочитали новую чайхану, на базаре, где уже появились столы и стулья.

Однако Абдурахман Сингатулин любил эту старую чайхану. Здесь никто не косился на его равную, грязную спецовку, не палил глаза на седую шетину, покрывавшую щеки. И, главное, по вечерам, приходя сюда после смены, Сингатулин всегда находил внимательных слушателей. Иногда это были люди, приехавшие в Ангрэн в поисках работы, которых жадно интересовало все происходящее на стройке. Он рассказывал о своих похождениях, а они слушали молча, качая головами.

Но чаще всего это были одни и те же «друзья», не работающие постоянно, пропивающие не толь-

ко свой рубль, но и небольшую зарплату Сингатулина. А зарплата старика и не могла быть иной: Сингатулин часто прогуливал. После попок болела спина, голова наливалась свинцом, и работа не спорилась.

Каждый вечер чайханчик слушал похвалы Сингатулина:

— Меня на стройке боялся. Другим надо ждать полочки, а я могу получить в любое время. Вчера пришел к начальнику. По дороге захватил горсть песка. Захожу в контору, говорю: «Давай деньги». Отвечает: «Зарплата будет через три дня». «А мне надо сегодня». «Подождать придется». «Пусть другие ждут», — отвечаю. — Я не буду. Не даешь — стану песком есть. Вот, видишь, принес». И кладу в рот. Начальник как вскопчит, как забегает. Вынимает из кармана свои деньги. Вот они. — Молодец, Абдурахман! — кричали «друзья». — Так и надо... И вот наступил вечер, когда Сингатулин не пришел в чайхану. Не было его целую неделю.

Наконец явился, а потом опять пропал на неделю. Чтобы заткнуть его в чайхану, «друзьям» приходилось подолгу прятаться в кустах возле общежития: надо было, уловив момент, взять старика «в плен». Но и пленным Абдурахман шел, озираясь по сторонам, словно ожидая чьих-то азсыскательных глаз. И в чайхане он больше молчал, а если говорил, то не те легкие слова, которые раньше сами бездумно сры-

СОКРАЩАЮТСЯ БОЛЬШИЕ РАССТОЯНИЯ...

Что надо сделать, чтобы путешествия из страны в страну стало более комфортабельным и менее длительным, а стоимость его дешевле?

Этому было посвящено состоявшееся в Москве международное совещание. В нем участвовали представители железных дорог СССР, Польши, ГДР, ФРГ, Франции, Голландии, Англии, а также представители Зеландской судоходной компании и международной компании спальных вагонов и вагонов-ресторанов европейских экспрессных поездов.

Совещание, — рассказывает руководитель советской делегации, заместитель начальника Главного пассажирского управления МПС В. А. Козак, — решило увеличить количество станций, где будут продаваться билеты прямого сообщения до городов СССР, Франции и Англии. Теперь пассажир сможет на ночь попутать плацкарту в спальном вагоне, а днем совершать путешествия в вагонах, где места только для сидения. Это значительно снизит стоимость всей поездки.

Путешественники теперь получают право по тому же билету делать длительные остановки в промежуточных пунктах. Так, снажем, английский турист, отправившийся в Москву, сможет побывать несколько дней в ГДР, в Польше, в городах Советского Союза. Это позволит людям различных стран лучше узнать друг друга, будет способствовать укреплению дружбы между народами.

А. ГОЛИКОВ
Фото Г. Самыо.

Коммерческие вопросы требуют серьезного обсуждения. На с ним и ке: представители французских железных дорог — Пьер Лонгюе, Жан Пуло, Жорж Пэнсон, делегат ГДР Вилли Эберл.

Международная лыжня проложена

Призеры гонки на 30 километров: Р. Эмгорт, Н. Ангийн и С. Ериберг.
Фото В. Светланова.

Под Ленинградом, на Навоголовских холмах, встретились лыжники семи стран. На снегу состязались старые соперники: в первой же гонке на 30 километров призвое места занял олимпийцы. Советский спортсмен Николай Ангийн, так же как и в Скок Вэли, был третьим, а швед Сикстен Ериберг на сей раз оназаялся вторым, уступив первенство обладателю серебряной олимпийской медали своему соотечественнику Рольфу Эмгорду. Шведские лыжники были первыми и в гонке на 15 километров.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Фото А. БОЧИННА.

ВЫМПЕЛ «ОГОНЬКА» —
ЛУЧШЕМУ ДОМКОМУ

ЕСЛИ ЗАХОТЕТЬ...

7 февраля в Колонном зале Дома союзов соберутся представители общественных домовых комитетов Москвы. Они обсудят итоги своего соревнования в 1960 году и задачи на будущее. Затем победителям будут вручены почетные грамоты Моссовета и вымпелы «Огонька». Сегодня мы рассказываем о делах домовых комитетов жилищно-эксплуатационных контор № 21 Октябрьского района (председатель Е. П. Карпов) и № 10 Ждановского района (председатель А. Д. Тараненко), завоевавших первые премии и вымпелы «Огонька».

Если захотеть, можно в выходной день встать в шесть утра и выйти на воскресник...

Если захотеть, можно после работы собрать своих юных соседей и показать им, как в руках оживает глина...

Если захотеть, можно своими силами Горку для малышей сделали папы и мамы, живущие в этом большом доме.

ми устроить беседки, детские горки, скамейки и качели во дворе... Мало ли что можно сделать, если захотеть!

Люди, у которых мы побывали, доказали, что они умеют не только хотеть, но способны и выполнить желание. Живут такие люди в Черемушках и Текстильщиках...

Двадцать деревьев росла напротив мебельного магазина на широкой

вались с его уст, а тяжелые, нависящие току:

— Жизнь проходит. Где семья? Дети!..

А захмелев, спорил с кем-то невидимым:

— Врешь! Все врешь! Никому не нужен старый Абдурахман. Пропавший он человек. Не верю...

Как-то раз «дружики» Сингатулина, празднично шатавшиеся по базару, увидели своего собутыльника в необычной компании. Понурый, смущенный, он шел рядом с невысоким черноглазым узбеком. По другую сторону от Сингатулина шагали худощавый рыжеволосый человек и пожилая женщина, порусски повязанная ситцевым платочком. Все вместе они зашли в универсам, и «дружики», прилипшие к окнам, с изумлением увидели, как Сингатулин примеряет новый костюм.

Затем оляст все вместе — Сингатулин и неизвестные люди — направились к обычному магазину. Вскоре они вернулись в общежитие. Понурый неслел женщина.

— Опутали старика, женили! — пронеслось среди «дружики». — Пропал человек...

Несколько вечеров они незаметно наблюдали за Абдурахманом, однако примет семейной жизни не обнаружили. Старик по-прежнему жил в общежитии, обедая на стройке, носил привычную, старую одежду. Женщина в платочке подметала двор общежития, кипятила самовары — словом, выполняла обычную работу уборщицы, а по вечерам ходила в кино с подружками.

Все было совершенно непонятно. И главному, заманить старика в чайхану становилось с каждым разом труднее.

— Спать надо, — говорил он сердито. — Завтра большая работа. Вы бы тоже шли на стройку.

И вдруг как-то днем Сингатулин

опять появился в чайхане, Заназав жок-чай, он подошел чайханщика. — Получил из Башкирии, из дому, письмо от дочери. Бросил ее маленькой, шел своей дорогой. Выросла, нашла меня. Долго искала. Не все стройки писала. Нашла. Хочет приехать в гости. Как быть, чайханщик?

— Муж есть у дочери? — Есть. Муж — начальник. Дети есть. Хочет приехать в гости, отца хочет видеть. Какой я отец? Разве я человек?..

Чайханщик цокал языком, вздыхал сокрушенно и подавал новый чайник.

— Думать надо, думать! — бормотал он. — Скоро придет! Через два месяца! Ай, как плохо получается! Дети должны уважать отца. — Он критично ки оглядывал согнутую фигуру Сингатулина...

Приближались ноябрьские праздники. Стройка Ангресской ГРЭС, где работал Сингатулин, велась на большом дыхании. Люди торопились сделать то, что обещали и наматывали.

Уже много недель в записной книжке Рахматова — бригадира — против фамилии Сингатулина проставлялась высокая выработка. Она была не выше, чем у других членов бригады, но и не ниже. В той же записной книжке бригадира лежало письмо дочери Сингатулина, потертое на сгибах, залитое чаем. И всякий раз, перечитывая его строчки, бригадир как будто слышал обращенный к нему взволнованный женский голос.

К удивлению Сингатулина, незадолго до праздника его перевели из общежития в маленькую отдельную комнату. А потом вручили ключи от красного уголка:

— Будешь хозяином. Включай и выключай телевизор. Давай людям читать газеты, журналы.

— Малограмотный я.

— Ничего, газеты будут читать вслух, и ты послушаешь. Узнаешь, что на свете делается, — говорил бригадир.

А уборщица, у которой хранились купленные Сингатулиным вещи и скопленные деньги, принесла в новую комнату фибровый чемодан и сберегательную книжку.

— Теперь вы самостоятельный хозяин!

Торжественное собрание строителей проходило в клубе. В новом костюме, неловко облегавшем тело, Абдурахман сидел рядом с бригадиром невероятно смущенный. Крупные капли пота стекали по затылку. Казалось, все глаза обращены не на трибуну, где сидел президент, а на него, старого Абдурахмана Сингатулина. Он хотел незаметно встать с кресла и выйти из зала. Но крепкая рука бригадира стиснула его локоть.

И вдруг все головы действительно повернулись в его сторону.

— Абдурахман Сингатулин здесь? — спросил председатель собрания.

— Встань! — услышал старик голос бригадира. — Тебя называют, слышишь?

— Абдурахман Сингатулин! Прощу подойти к трибуне...

Ноги дрожали. Стало трудно дышать.

— ...за честный труд, за успешное выполнение задания... — словно из глубокой дали услышал Сингатулин голос председателя, — почетная грамота... премия... зиннее пальто...

Тяжелый пакет лег ему на руки. Абдурахман уронил пакет на пол и вскрикнул...

Назавтра его на работе не оказалось. Когда бригадир открыл дверь маленькой комнаты, на него

в упор глянули сухие, запавшие глаза Абдурахмана.

— Зачем смеялись над стариком? Я плохой человек, но зачем смеялись?

Десять дней, сменяя друг друга, члены бригады дежурили у постели Сингатулина, заболевшего в результате нервного потрясения. Открывая глаза, он привык видеть над собой знакомые лица. Все чаще и чаще его сухое, морщинистое лицо освещала легкая, как осенний луч, улыбка.

Через две недели в общежитие строителей пришла незнакомая женщина и спросила, как можно увидеть Абдурахмана Сингатулина. Уборщица, внимательно оглядев ее, подвела к двери комнаты.

— Болел он, сейчас поправляется. Вы поспрашиваете...

Дверь открылась. Перешагнув через порог, приезжая увидела худого, чисто выбритого старика в аккуратной одежде. Он сидел у окна, положив на колени большие узловатые руки. Перед ним стояла пиала с чаем, на тарелке горькой лежали лепешки. Глаза старика были ясны и печальны.

— Отец, — сказала женщина, протягивая руки. — Отец...

II

Плохо, когда в шестнадцать лет за плечами тюрьма, нет родных и самый знакомый человек — рабочий милиции по делам несовершеннолетних. Плохо, когда работает приходится на кирпичном заводе, среди женщин, которые прачут от тебя свои узелки с одеждой, следят за каждым твоим шагом с опаской и недружелюбием.

Именно так началась жизнь Гриши Чарыева в Ангрессе — городе узбекских угольщиков.

Позади единственным светлым огоньком — детский дом и надежда

Профсоюзной улице, двенадцать десятилетних лип и тополей. Но вот метростроители сказали: «Они мешают нам, стоят на трассе. Увезем их на Леннинские горы».

Страшно взволновался председатель домового комитета Евгений Петрович Карпов: «Почему на Леннинские горы! Это же наши деревья!» Немедленно объявляется арал. Пятнадцать мужчин из дома № 32/10 и пятнадцать мужчин из дома № 31 вооружаются ломом и лопатами. С трудом поддается маршала, превращенная январскими морозами в камень земля. Не поднять людям комель дерева в обледеневшей глыбе. И вот звонки, просьбы. Наконец трест зеленого строительства высылает подъемный кран и грузовик. Тополя и липы бережно, чтобы не повредить корневой и ветвей, перевозятся во дворы домов. Здесь, в молодых вишневых садах, за зеленым штакетником, уже выдолблены для них ямы.

И вишни и штакетник появились тут тоже благодаря жильцам. Вишни росли довольно далеко отсюда, в деревне Семеновской, на окраине города. Их участь была предопределена: на месте деревни поднимутся дома. Спасли сады черемухинцы. Прошлой весной перенесли они на себе деревья с набухшими почками. Этим летом под окнами шумела фруктовый сад. А между вишнями и яблоньками, между черемухой и тополями благоухали цветы и травы.

Осенью «главный цветовод» домового комитета доцент энергетическо-

Пенсионерка Н. В. Варламова помогает школьникам изучать английский язык.

Рабочий Владимир Филчев оборудовал в красном уголке радиотрансляционный узел...

Хоккеисты Люблинской улицы на тренировке.

Водитель Ф. Облицов (слева) и кровельщик Н. Медведев — активные участники художественной самодеятельности в Черемухниках.

да стать настоящим токарем. Впереди неизвестность.

После очередного скандала на заводе Чарыев вызвали в контору строительства. Кроме начальника, там находился невысокий коренастый узбек в спецодежде и покрытых лесовой пылью сапогах. Пока шла очередная «проборка» мальчишки, человек этот внимательным взглядом изучал Чарыева, а потом спросил:

— Будешь работать на стройке? — И, повернувшись к начальнику, сказал тихо: — Дайте его в мою новую бригаду.

— Не дело ты задумал, Самат! — крикнул начальник. — Ха-тит тебе Сингатулина...

Они еще долго спорили, словно забыв о подростке, и тот стоял у двери, томясь, ничего не понимая...

Утром, выйдя на работу, Чарыев исподлобья оглядел новых товарищей. Что и говорить, разные люди...

Рядом со стариком Сингатулиным, залихватски куря сигареты, сидели молодые парни. Но Гриша был самым молодым из них, и, чтобы утвердить свою личность, он пронзительно свистнул...

— Подожди, — тихо сказал бригадир. Такой же подтянутый, как вчера в монitore, Рахматов сидел на бровке, что-то записывая в маленькую тетрадку.

— Вот задание на день, — сказал он, — приступайте. Вечером приму работу у каждого. Потом соберемся на пять минут, поговорим.

Бросив сигарету, немного помолчав, люди принялись за работу. Так начался первый рабочий день.

Чарыев, Сингатулин и еще двое вместе с бригадиром вели кладку небольшого здания. Гриша подносил кирпичи, раствор, брал в руки кельму, смотрел, как Рахматов натягивает шнур... Полдня

пролетело совсем незаметно. Не стало время обеда.

С черствой лепешкой в руках Чарыев устроился возле кучи земли.

— Почему не идешь в столовую? — услышал он над собой голос бригадира. — Денег нет? Берн у меня в долг. В получку отдашь...

— Нечем будет. Что я заработаю?

— Берн.

В ладони подростка омутились десятки. Он поднял глаза. Бригадир улыбнулся.

Через два месяца новая бригада, как говорят строители, «вышла на план».

Впервые в жизни Гриша Чарыев получал каждые две недели по 400—500 рублей. И всякий раз рядом с ним у окошка кассы оказывался либо Рахматов, либо рыжеволосый его помощник Иосиф Дефершмит. Мягко, но властно они брали из рук Гриши деньги.

— Давай распределим, — говорил, обнимая парнишку за плечи. — Полсотни тебе на то, на се, две сотни — в столовую, на обеды и ужины. Остальные на сберкнижку. Купишь костюм, пальто. Согласен?

Что мог ответить подросток, впервые ощутивший заботу старших? Ворчал потихоньку, и все.

Но с каждым месяцем щетки его округлялись, тело наливалось силой. Бригадир часто звал его с собой. В саду, в густом запахе зреющих абрикосов, под тихое журчание арыка, размякало сжавшееся в комок мальчишеское сердце. И не мог он сказать ничего, когда бригадир, протягивая ему учебник по кладке, мягко, но настойчиво говорил:

— Прочти, через неделю спросу.

В одном упорствовал Чарыев. Никакими силами нельзя было за-

ставить его надеть новую одежду, давно купленную на сбереженные деньги. Иногда, оставшись один, он доставал ее, любовался блестящими штиблетами и сереньким костюмом, но при первом стуке входной двери быстро все заворачивал и принимался за независимым видом свистать.

— Оденься в новое, — говорил бригадир.

— Смеяться станут. Скажут — зазнался.

— Кто скажет?

Что-то в душе мешало Чарыеву сбросить старую «робу». И тут ему помогли.

В жаркий день на площадке, где работала бригада, появился работник милиции, старый Гришин знакомый, лейтенант Байметов.

— Подойди-ка сюда, — поманил он Чарыева пальцем.

Лицо Гриши залила краска. Он оглянулся на товарищей. Но они словно не заметили милиционера. Тогда Гриша умоляюще посмотрел на бригадира. Но и Рахматов не встретил его взгляда.

— Зайди вечером ко мне, — сказал Байметов. — Да ты не бойся. Новость хорошая. Только надень новый костюм, чтобы не подумали дурного, — добавил он, сдерживая улыбку.

Чарыеву и в голову не приходило, что уже несколько месяцев назад бригадир долго беседовал с лейтенантом. Речь шла о розыске родителей Гриши. Незаметно для парня Рахматов узнал, что когда-то в детском доме Гриша получил письмо из Туркмении. По просьбе Рахматова милиция послала запросы, вела розыск... Наконец пришел желанный ответ. В Чарджуу нашлись Чарыевы. Снова запросы, и вот письмо старой тетки: «Хорошо, что нашелся племянник, родная кровь. Буду ему матерью. Пусть приезжает».

Потому и позвал Гришу Байметов.

— Поедешь? — спросил он.

— А как же бригада? — растерянно спросил Гриша.

— Ты все равно останешься нашим сыном, — услышал он знакомый голос Рахматова, который неслышно вошел в комнату и теперь стоял рядом, положив жилистую руку на выхрястную голову Чарыева. — Поезжай, Гриша.

Через два месяца бригада провозжала его. Уже водитель занял свое место в кабине автобуса, а паренек все стоял возле бригадира.

— Садись! — крикнул сердито водитель.

Машина тронулась.

— Ухвал, — неопределенно буркнул Сингатулин.

— Пусть будет ему удачи! — сказал Рахматов.

Так сложились судьбы двух людей из бригады Самата Рахматова — строителей, возводящих в предгорьях Кураминского хребта мощную ГРЭС и новый город Ангрен — судьбы старого Сингатулина и подростка Чарыева. Но в бригаде семнадцать человек, и у каждого своя судьба, и в каждой из них Самат Рахматов сыграл не последнюю роль. Он твердо убежден, что долг каждого советского человека — помогать отстающему в пути...

Сейчас бригада работает на строительстве цементного завода в Ахан-Гаране. Не так давно семнадцать человек из бригады Рахматова справили новоселье. В общажнике остался лишь сам бригадир. Он, как капитан, последний сойдет с корабля на твердый берег.

В этом тоже сказались его характер. Характер человека, готовящегося войти в заветный день. Ангрен — Ахан-Гаран.

Скоро весна! Председатель домкома Е. П. Карпов (слева) и К. П. Гетманов знакомятся с «семейным фондом».

А. Ф. Миненок организовала на 1-й Черемушкинской улице детскую библиотеку...

го института Константин Павлович Гетманов собрал около двух килограммов семян. Тщательно разобраны они по сортам и видам, уложены в коробки и пакетики. Через два месяца на окнах и в подвездах зазеленеют ящики с рассадой.

А участку Полины Петровны Нечаевой проसлавился на весь Октябрьский район своими подвездами. Вот как это было...

Пришла она как-то перед Октябрьскими праздниками к Юрию и Геннадии Садековым и предложила:

— Как бы нам, товарищи, привести в порядок лестничную клетку? Шесть лет ходим по ней, дом новый, а вид у подъезда старый. Краска облупилась, царапины везде, подтеки.

Братья Садековы поддержали ее и вместе с ней пошли по квартире.

2 октября необычно рано проснулся шестой подъезд. Засветились окна, захлопали двери. Ровно в семь часов утра на девятый, верхний, этаж вышла первая бригада. Белили потолки, лестничные марши, переходы. Следом шли самодеятельные маляры, покрывая панели светло-коричневой краской. Женщины тут же мыли окна, площадки, ступени. В два часа дня к работе приступила другая бригада, а вечером завершила покраску нижних этажей трети.

Шестьсот человек, сменяя друг друга, выкрасили тринадцать тысяч квадратных метров лестничных клеток. Теперь, если даже вздумается какому-нибудь озорнику чиркнуть по стене, вспомнит он, как работал его отец и как он сам таскал воду матери,— и опустит свою «грешную» руку.

Так от малого — обыкновенной рассады, за жизнь которой боролись вместе, от лестничной площадки, которую красили вместе, — люди приходят к большому — к спайке, чувству товарищеского локтя. Особенно ярко проявились эти черты на участке Фаины Георгиевны Любимовой. Здесь человек не остается в беде один.

Заболела у пенсионера П. Д. Мещерского жена, пришлось ее положить в больницу. А он сам инвалид, нуждается в уходе. Участковый комитет принимает решение взять стариков под свою опеку. Антонина Никитична Блохина работает, и у нее подросток-сын, но она находит время съездить в больницу, где лежит жена Мещерского, и привезти ей кисель или морс, специально приготовленный для больной. На другой день она торопится к самому Мещерскому, убирает у него в комнате, покупает продукты и готовит. И так изо дня в день, вот уже скоро полгода.

В комитет пришла как-то учительница В. С. Лобанова.

— Что мне делать? — сказала она. — Нужно выходить на работу, а Андриюшу не с кем оставить. В ясли не удалось устроить.

И тогда член комитета, сама мать двоих детей, Таисия Петровна Герасимова предложила:

— Оставляйте его у меня. На целый день, пока не придет из школы. Нужно ли говорить, что тут ни слова не упоминалось о каком-нибудь материальном вознаграждении! Сама мысль об этом показалась бы обеим женщинам оскорбительной.

Так у Андриюши появилось два дома: один в пятом подъезде, а другой — в четвертом. Ребенок привык к Таисии Петровне и зовет ее мамой. Или вот еще одна простая человеческая история, к которой причастна Любимова.

Олегу Шаповалову пришло время служить в армии. Родители были в отъезде, юноша оказался совсем один. Фаина Георгиевна сказала ему:

— Мы проводим тебя, и ты пойдешь в армию, как положено советскому юноше. Зови на завтра своих друзей.

На свои деньги она устроила прощальный ужин и была, конечно, первой гостьей и посаженной матерью. А на другой день в шесть часов утра проводила Олега и вручила ему, как будущему солдату, вещевой мешок.

Скоро с Дальнего Востока, где служит Олег, пришло письмо. «Спасибо, спасибо вам за то, что вы сделали для меня», — писал Олег Фаине Георгиевне...

В Текстильщиках, на Люблинской улице, как и в Черемушках, сами жильцы приводят в порядок лестничные клетки, изготавливают «оснастку» для детских площадок, высаживают во дворах цветы и деревья. Они построили летний читальный зал и устроили хоккейную площадку. И даже оборудовали в красном уголке радиозузел, с которого транслируется музыка на детские катки.

Человеческой инициативе нет границ! Но чтобы воплотилась она в жизнь, требуется как будто очень мало и в то же время очень много: только захотеть!

ПОДАРОК ПУСТЫНИ — УРАЛУ

Поселок Газли, неподалеку от Бухары, заложил геологи, ищевшие по пустыне Изыл-Куми в поисках нефти и природного газа. Они пришли сюда весной 1956 года по пути, проложенному в песках транзитом, которые волоком тянули за собой тяжелые буровые станки. Первым письменным свидетельством о зарождении поселка можно считать докладную записку разведчиков недр. В ней сообщалось:

«Жара в тени достигает 45 градусов Цельсия. Атмосферные осадки бывают пре-

имущественно зимой. Аму-Дарья — в девяносто километрах, Зеравшан — в семидесяти. Вода в колодцах горько-соленая».

Подписана эта «неприятная характеристика» Е. В. Кудряшовым и Л. Г. Жуковским — двумя из тех семи первооткрывателей Газли, которым присуждена Ленинская премия в 1960 году.

Геологи продолжают изучать недра пустыни. В Джаргане созданы промыслы, снабжающие топливом Бухару и Самарканд. На очереди эксплуатация Газлинского месторождения.

Что могла дать прежде индустриальному Уралу древняя Бухара? А нынче привычным становится словосочетание «Газли — Урал» — таново направление будущей газовой магистрали.

Сейчас можно без особых хлопот совершить путешествие к отправному пункту будущего трубопровода. Путь и нему из Бухары пролегает через барханы, которыми, кажется, конца-краю нет. Но вот, лаская взор, утомленный однообразием песков, возникает поселок с анкуратными белыми до-

минами. На его улицах — тоненькие пирамидальные тополя и серебристые акации.

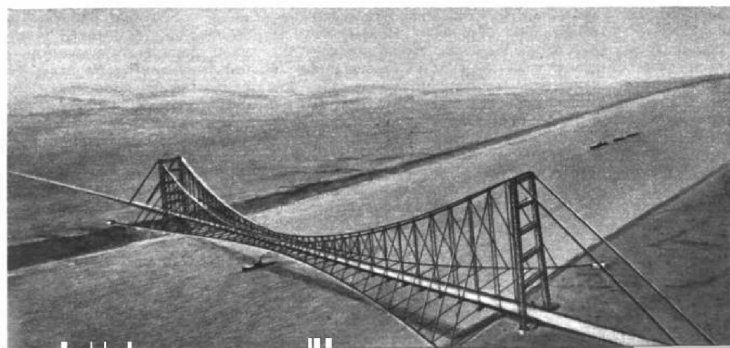
На участках геологической разведки трудится немало коренных жителей Чаршамбай Месеров стал помощником бурового мастера. Асан Хусенов и Пулат Клычев работают дизелистами. Трудная профессия верхолаза-монтажника пришла по душе Исету Карабахеву.

В Газли пришли эксплуатационники. Они пробурят свыше двухсот скважин промышленного значения. Вскоре наступит горячая пора и для строителей газопровода Газли — Урал. В городе Тахта-Таш, Кара-Калпакской АССР, создается производственная база. На железнодорожную станцию Кунград идут поезда с оборудованием, материалами.

К Уралу протянутся две подземные транспортные артерии: одна — до Челябинска, другая — до Свердловска.

До конца семилетки Урал получит бухарский газ.

Ан. ВЕТРОВ,
Б. ЛЬВОВ

Проект воздушного перехода через Аму-Дарью. Здесь протянут трубы газопровода.

Жизнелюбие

На наших цветных виллах печатается сегодня пять разных картин: портреты китайской студентки и девушки из народа манси, два занарпатских пейзажа, лыжины, бегущие и финишу... Картины эти созданы разными мастерами. У каждого из них своя излюбленная тема, свой живописный почерк.

Художник Виктор Михайлович Орешников — мастер тонкого психологического рисунка. Здесь представлен портрет его работы: студентка Ли Юй-лам.

Силой и уверенной радостью веет от этой картины. По портрету этой девушки легко представить себе счастливого, деятельного, настоящего мужчину и общей цели народ.

Картина Сергея Николаевича Лысенко «На финише» очень красиво скомпонована. На белом фоне выделены почти всю плоскость картины, выделяются крупные лестницы, замедленные деревья; на фоне неба тянется цепочка бегущих и финишу лыжников. Кажущиеся маленькими снизу, люди высятся в памяти растянувшись по небу стаю птиц...

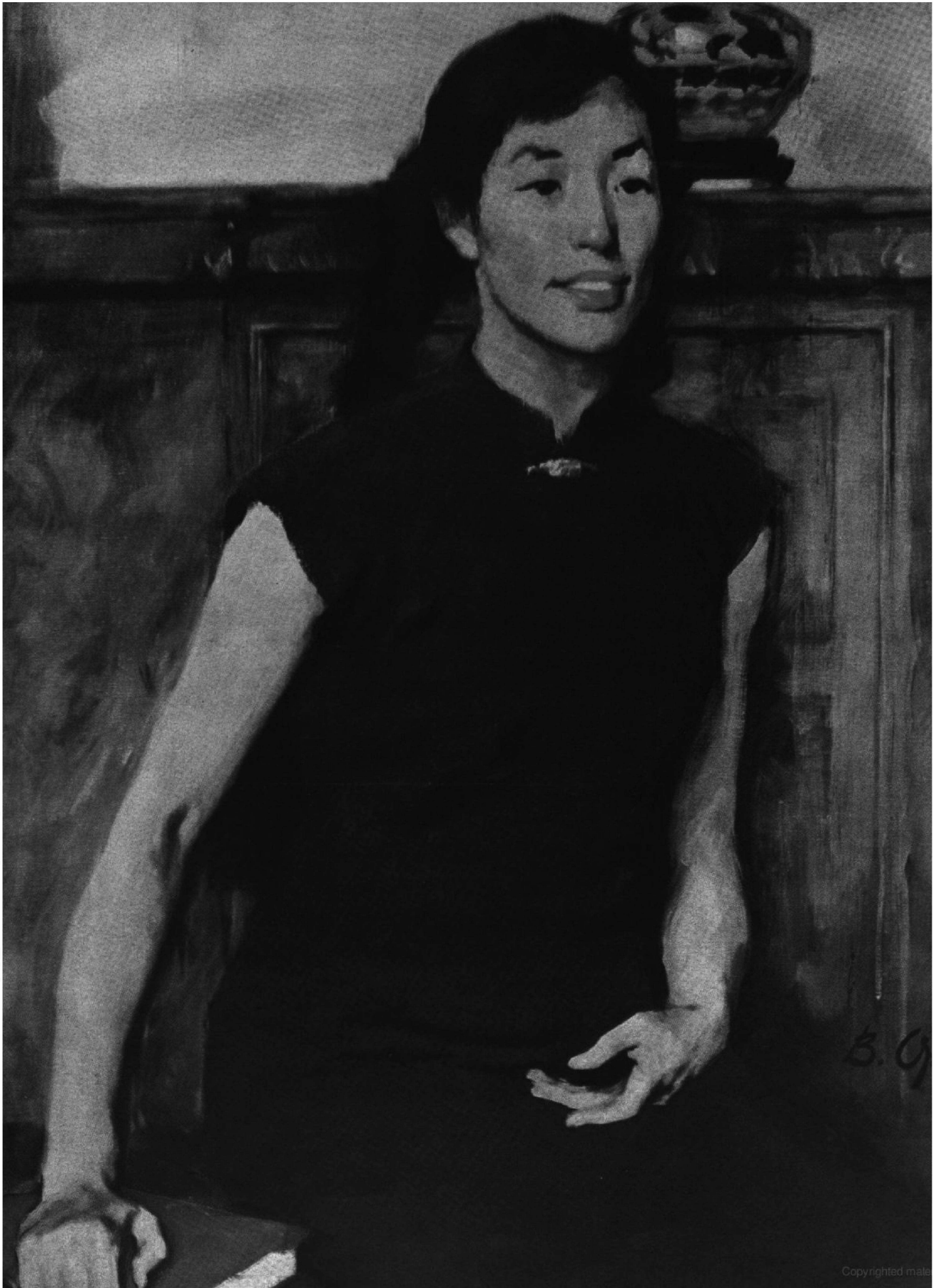
Антон Михайлович Нашай и Золтан Иванович Шолтес — представители самобытной, яркой и талантливой школы занарпатских художников-пейзажистов. Мастера влюблены в Занарпаты — его горы, стройные ели, подвешенные дороги, перелетающие с одного берега узкой горной реки на другой. Самая же сильная их любовь отдана людям — бесстрашным бонорашам-плотвицам, которые говорят о своей работе: «Страшно на práci, але дуже весело». С большим темпераментом пишут художники свой прекрасный край.

Художник Владимир Александрович Игошев пришел в искусство со своей темой. Много времени он проводит среди оленеводов, рыболовов, охотников манси и пишет их своеобразный быт. Много времени он проводит среди оленеводов, рыбаков, охотников манси и пишет их своеобразный быт. Когда упряжка останавливается и уставшие олени ложатся отдохнуть, Владимир Александрович вынимает этюдник и принимается за работу. Игошев был первым живописцем, пришедшим в селение манси... Вот «Девушка с письмом». Читает письмо девушка из народа, у которого 30 лет назад еще не было азбуки... Спойной входит в новую жизнь дочь смелых охотников и рыболовов; их бесстрашие, гордость, отвага, прошедшие через века, живы в девушке нашего времени, как древнее зорочье народа манси жива в ее одежде. Тяга к героическому, к молодости и силе, жизнелюбие и еще раз жизнелюбие — лучшее качество наших художников, «хороших и разных».

А. ЖУКОВА

В. Орешников.
ПОРТРЕТ КИТАЙСКОЙ
СТУДЕНКИ ЛИ ЮЙ-ЛАМ.

Выставка
«Советская Россия».

С. Лысенко. НА ФИНИШЕ.

Выставка «Советская Украина»

А. Кашшан. ДОЛИНА СВИДОВЕЦ.

Сору/1911

КОГДА ЖЕ ПРОЗРЕЮТ ТЕЛЕВИЗОРЫ?

В № 48 «Огонька» за 1960 год была помещена заметка «Бламо» на телевизоры. В ней говорилось о заключенных владельцах телевизоров, о том, что из-за неадекватности инструкторов организационный трудился наделялись посланиями лишены возможности пользоваться своими приемниками.

В редакцию пришло много писем. Они пришли из разных мест и лишь один раз подтвердили, что телевизор прочно вошел в быт жителей городов, сел и рабочих поселков. И тем досаднее становится, когда узнаешь о плохом обслуживании импортных телевизоров. Десятки тысяч телевизоров не работают. Люди обивают пороги телевизионных ателье, магазинов, пишут жалобы в совнархозы, в министерства, на заводы, в редакцию. Достаточно сказать, что в Москве — городе, наиболее обеспеченном сетью ремонтных ателье и радиомагазинов, — не работает 20 тысяч телевизоров!

«ПОЛОЖЕНИЕ ТЯЖЕЛОЕ»

Управляющий трестом по установке, обслуживанию и ремонту телевизоров Министерства связи РСФСР тов. М. В. Кривошеин сообщает в редакцию, что после опубликования заметки в «Огоньке» приняты меры к сокращению сроков ремонта телевизоров. Приказом министра связи РСФСР изменен режим работы ателье. Но положение с материально-техническим снабжением треста продолжает оставаться тяжелым. Поэтому телевизионные ателье не могут полностью удовлетворить спрос населения.

Вот некоторые цифры. По вине Львовского электротрампозового завода телевизионные ателье не получили в 1960 году 5 750 кинескопов «31ЛК». Другой завод вместо положенных по плану 13 840 кинескопов «31ЛК» дал их всего 936 штук. И то эта небольшая часть продукции была заказана в последний день года. Кроме того, Телевтрест не получил 42,5 тысячи ламп «Ц10П» и «Ц11П».

В телевизорах последних марок установлены унифицированные строчные трансформаторы. Их изготавливает ленинградский завод имени Козмичего. За один только последний квартал 1960 года завод изготовил 13 тысяч этих трансформаторов.

Трудно даже представить, сколько неработающих телевизоров стоит за этими пятнадцатичисловыми цифрами.

Еще хуже обстоит дело со снабжением торговой сети. Многие дистрибуторы радиомагазинов уже закрыты тот день, когда эти товары были у них в продаже.

ЖАЛОБЫ-БЛИЗНЕЦЫ

Понюхал телевизор, рассчитываешь на предстоящее удешевление. Но многие приходится терпеть один только неприятности. «Я приобрел телевизор «Ремонд», — пишет тов. Мотыла из Казани, — и была несказанно рада. Но радость эта была недолговечной. Через три недели телевизор испортился. И вот уже больше четырех месяцев я напаломно жажду помощи от ателье и завода, куда я неоднократно писал».

Е. и Н. Корчинские (Котляревка, Сталинской области) пишут: «Мы пенсионеры, живем на селе. Радостью для нас было смотреть телевизор. Наш «Рубин» вышел из строя из-за лучшей трубки. О нашем горе мы сообщили родным в Москву, Ленинград, Киев, Винницу. У себя в Сталино установили «пост наблюдения» за поступлением этой трубки. Ничего не помогло...»

Жалобы похожи одна на другую. Ателье не ремонтирует, завод не учит, в магазине приобрести нужную деталь невозможно.

ГАРАНТИЯ РАДИ ГАРАНТИИ

При покупке телевизора дается гарантия на шесть месяцев. Это совсем не значит, что завод гарантирует безупречную работу приемника в течение этого срока. К сожалению, телевизор может выйти из строя по вине завода в

первые же дни работы. Гарантируется только бесплатный ремонт. Казалось бы, уж в эти шесть месяцев беспокоиться. Ничего подобного.

«Купил я телевизор «Старт-3», — пишет А. Воробьев из Луганской области. — Через три дня сгорел строчный трансформатор. Ателье № 72 города Кадиевки помочь не может. Один откат трансформатора не помог. Обращался на завод — молчат. Три месяца вместо телевизора стоит у меня ослепший ящик».

И такие письма не единичны. Гарантия дается без всякой гарантии.

ОЧЕРЕДИ ДЛИНОЙ В ПОЛГОДА

Аторы многих писем возмущены тем, что им даже не назначают сроков ремонта телевизора. Беспорядочные хождения в ателье, в магазины застаивают иерархиями. «Полгода назад», — пишет Н. Столюновская (Маневка), — я сдала в ателье негодный кинескоп и телевизор, за который я заплатила 2 400 рублей, стоит пустой коробкой».

С. Масинина из Комсомольска-на-Амуре сообщает: «Шесть месяцев назад отказал кинескоп «31ЛК». Обращался в мастерскую завода — в ремонтно-ремонтный. Ответ один: «Помочь не можем».

Восьмь месяцев М. Моисеев из города Горького обивает пороги магазинов и ателье и безнадёжно пытается достать кинескоп и телевизор «Знамя». «Такое положение, — справедливо возмущается он, — имеет вразрез с постановлениями партии и правительства об улучшении бытового обслуживания трудящихся».

«В мастерской «Музрадфо», где я работаю, — пишет С. Чичканов из Ленинграда, — стоит телевизор, сданный мне в ремонт в июле прошлого года! Кинескопы «31ЛК», полученные мамой, — сплошной брак. Большинство брака выпускает и Львовский

завод, а ведь вся эта продукция является частью выполняемого заводом плана».

И. Кананович (Львов) пишет: «Выражался техническим термином, у меня эксплуатируется телевизор «Знамя» завода имени Козмичего. Кто кого эксплуатирует, трудно сказать. Скорее всего телевизор эксплуатирует меня».

Жена мой купила пылесос Вильямсово завода электротрампозового оборудования. Через час работы сгорел мотор. Чинить в мастерской отказались: нет моторов. Жена купила новый венник и таким образом вышла из положения. А чем заменить вышедший из строя телевизор?

Нужно продлить гарантийный срок выпускаемой заводами продукции до 12 месяцев. Это заставит их больше отвечать за качество».

КТО ЖЕ ХОЗЯИН ТЕЛЕВИЗОРА?

С таким вопросом обращаются многие читатели. Плату за эксплуатацию приемников аккуртно взымает Министерство связи. Причем плата вносится даже тогда, когда телевизор бездействует. Министерство связи должно больше заботиться об обслуживании своих абонентов. Банкицы проявили инициативу и организовали у себя реставрацию кинескопов. Почему не организовать сеть таких мастерских в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске и других городах? Да и производство строчных трансформаторов — самой дефицитной детали — можно, наверно, наладить на местах».

Содержание всех писем сводится к одному: пора наконец прекратить вытравливание телевизоров. Нельзя больше терпеть такое «обслуживание».

«Хочется верить», — пишет Н. Кузнецова из Челябинска, — что скоро наступит конец нашим злоключениям. Несколько месяцев у нас не работает телевизор. И мы все-таки не падаем духом. Нам не верится, что такое безобразное положение может длиться долго». Нам тоже не верится.

СУСТАВЫ ИЗ... СМОЛЫ

Летом прошлого года на конференции хирургов в Киеве выступила Елена Евгеньевна Таранова, старший научный сотрудник Института синтетических смол во Владимире.

— Здесь демонстрировался больной, — говорила она, — который сделал сустав пальца на ноге для того, чтобы заменить им сустав пальца руки. Операция легкая. Хирург добился подвижности нового сустава. А у нас во Владимире врач Михаил Васильевич Свирижев возобновил у больного подвижность коленного сустава с помощью отлитой из поливинилформальной смолы трубки.

Выступление Е. Е. Тарановой вызвало интерес и удивление даже опытных хирургов. Синтетические смолы и хирурги — с этим надо еще освоиться.

Елена Евгеньевна продолжала свой рассказ об удивительном пенеопласте, полученном в их институте, об опыте совместной работы института с московскими нейрохирургами. Новый материал будет использоваться для пластики твердой мозговой оболочки.

Началось все в июле 1959 года, когда во владимирский институт приехали сотрудники Московского института нейрохирургии имени Бурденко и попросили разработать для них пенеоматериал, который годился бы для создания протезов твердой оболочки головного мозга. Поняв нового материала поручили Елене Евгеньевне Тарановой, недавней выпускнице Горьковского университета.

С чего же начинать пенисти? Таранова теплое изучала книги, статьи по химии и медицине. В каталоге, составленном ею, оказалась большая ста специальных изделий. В работах профессора Ушакова Елена Евгеньевна нашла утверждение, что поливинилформаль спирт нетоксичен. «Значит, и пенеопласт, полученный на его основе, тоже окажется нетоксичным, а это — одно из необходимых условий нужного материала», — подумала Таранова.

Начались опыты. Уже через месяц был получен первый лабораторный образец пенеопласта, названного

трудно и длинно — пенеопласт поливинилформаль.

Образцы его уехали в Москву. Теперь продолжали опыты нейрохирурги. Казалось, все идет хорошо. Но вдруг во Владимир полетало тревожное сообщение: оперированные собаки ведут себя беспокойно, температуру у них поднялась. Вскрытие показало, что протез дал спайку с мозговой тканью в тех местах, где пенеопласт порист.

Елена Евгеньевна поехала в Москву, чтобы самой быть при операции, изучить структуру естественной мозговой оболочки, технику подшивания протеза и т.п.

Выход был найден удивительно простой: надо отшлифовать, сделать шлифованной ту часть поверхности пенеопласта, которая прилегает к мозговой оболочке, и оставить пенеопласт пористым со стороны черепной коробки.

Результаты новых нейрохирургических экспериментов оказались вполне удовлетворительными: оперированные животные были спокойны, температура не

повышалась. И хирурги одобрили поливинилформаль.

Этим пенеопластом заинтересовались многие ведущие научные учреждения: Киевский научно-исследовательский институт туберкулеза, Центральный институт травматологии и ортопедии, Московский научно-исследовательский институт экспериментальной хирургической аппаратуры и инструментов, Первый московский медицинский институт.

«Оказалось, что из пенеопласта можно изготовлять искусственные пищеводы, кровеносные сосуды, легочную ткань. В Киеве, в институте туберкулеза, уже произвели около тридцати пластических операций с применением нового материала. В двенадцати опытных операциях замещались кровеносные сосуды, в шести — трахеи и бронхи.

Огромный практический интерес представляют операции легких. Хирург удаляет часть большого легкого, а образовавшееся пространство заполняет пенеопластом, который быстро прорастает соединительной тканью, прочно закрепляется и не позволяет смещать-

ся сердцу и другим близко расположенным органам. Сноору Ереванский завод поливинилэтата и начел массовый выпуск пенеопласта, полученного институтом во Владимире.

М. ГРОМОВА

Елена Евгеньевна Таранова. Фото А. Сафарова.

СОБСТВЕННЫЙ ДОМ

Сергей НИКИТИН

Рассказ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Жил да был в городке посреди России портной Роман Половодов.

Городок маленький: были в нем только районные учреждения, ремонтно-тракторная станция, пекарня да крохотный заводик, отапливаемый из чугунного лома сковородки, печные дверцы и статуэтки «Мефистофеля». Но жизнь текла в нем, как и всюду. Здесь был свой рабочий класс, своя футбольная команда, своя газета, свои патриоты, говорившие, что лучше их Ульяев нет места на земле, и свои недоброжелатели, утверждавшие как раз обратное. Разница между ними и большими городами была только в масштабах. Она особенно резко выступала там, где масштаб суживался до возможного предела, окружая какую-нибудь личность ореолом единственности. Так было и с портным, и если в городке говорили: «Иду к портному», — то все знали, что речь шла не просто о портном, а об определенном человеке с фамилией, судьбой и характером.

Надо заметить, что шил этот портной прескверно. Благодаря ему ульяевцы одевались по моде, никогда не существовавшей, но давно уже привыкли к этому и на приезжего человека, одетого со вкусом, смотрели, как на чужака.

Судьба Роман Половодов был с виду ровной и прямой. Он жил в городке с молодых лет, здесь же состарился, нажил двух дочерей, похоронил жену и выстроил большой пятистенный дом на высоком каменном фундаменте.

Строил он его долго и тяжело, весь вытнувшись на работе, ссутулился и стал похож на длинный гвоздь, который долго вбивали, но не вбили, а только согнули слегка. Зато дом и стоил трудов. Он выделялся даже среди добротных построек Ульяев и с каким-то высокомерием смотрел на улицу поверх долговязых мальца, словно и в нем отразился самодовольный нрав хозяина, неколлективно убежденного теперь в том, что жила он не зря и так, как надо.

В летние вечера Роман Половодов любил открыть окно, поставить на подоконник радиолу и сотрясать тихий воздух мощью ее музыки. В этот час у ворот стояли хозяйки, встречающие с выгона коров, и Роман, скрытый толевой занавеской, наслаждался тем, что лишним раз может подчеркнуть перед людьми свой прочный достаток. Из тех же побуждений принимал он заказчиков не в передней, а в самой задней комнате, чтобы те, пройдя через весь дом, были должным образом потрясены и ковровыми дорожками, и диваном с высокой спинкой, и зеркальным шкафом, и пианино, и горкой с хрусталем, а напаче всего — раззолоченными немецкими литографиями, на которых в целомудренных позах возлежали синие русалки и порхали жирнянькие ангелы.

На исходе шестого десятка Роман женился во второй раз.

Случилось это в ту самую зиму, когда он шил пальто вдове Мурыгиной. Полненькая разбитая вдова прибегала на примерку в смужиковой папаче набекрень, строчила каблучками через весь дом, а Роман при этом выпячивал грудь, старался не горбиться, не шаркать ногами и угощал вдову чаем с вареньем.

Свадьбу он сыграл, как молодой: с показ-

ным разгулом, даже с битьем горшков, за что многие из тех, кто в волюшку пил и ел на свадьбе, осудили его.

В жизни Романа впервые случилось так, что людская молва не одобрила его поступок, и он вначале даже смутился, но потом, укрепившись сознанием своей независимости, высказался так:

— Собака лает, ветер носит. Я у людей не занимал, чтобы свадьбу играть. Значит, пусть подождут языки.

II

В молодости вдова Олимпиада Сергеевна Мурыгина была очень хороша собой. Маленькая, крепенькая и смуглая, с золотистыми не смеющимися глазами, она считалась в селе Акулово первой красавицей. Многодетная сама жила бедно, но даже в обносках старших сестер Липа вызвала между парнями мордобития и более серьезные столкновения, после которых сельский старичок фельдшер выстригал чубы и шивал на головах раны.

— Хороша у тебя, сват, девушка, — говорил на ее первой свадьбе отец жениха, толстогубий мордастый мельник, известный тем, что в живых пекарей, — да сел на цветок порхун-мольек. Ей бы моего старшенького из армии подождать: огромная шельма! А этот ни нежить, ни прожить не умеет, только исть горазд...

Жених — белокурый, ясноглазый великан, глывший на мир с каким-то радостным изумлением, — имел пристрастие к певчим птицам. Он добывал перепелов, дроздов, канареек — любил особенно последних, отличая среди них поющих россыпью, дудкой, осянкой, колокольником, — а потом, чуждый всяких помыслов о выгоде, отпускал их на волю.

Пьяненький отец невесты на слова свата только хихикал и крутил головой. Никто не знал, что перед свадьбой между отцом и дочерью происходил такой разговор:

— На что тебе этот недостаток, Липка?

— И-и-и, батя, полно! Мне ума не занимать. Своим проживу, без мужниного, а уж вылезу из грязи в князя.

— Семьшка-то крепкая, ухватистая, — соглашаясь, тянул отец, — да парень-то того... Он в стороне у них, на отшибе.

— Зато моя власть будет. Я его, как соломенное чучело, куда хочу, поверну.

И тот действительно дингался в жизни исключительно волей жены, пока эта воля не привела его к тому, что, забросив птиц, стал он прижималой и живоглотом не хуже мельника и в пору раскулачивания пошел вместе с ним на Алдан мыть советское золото.

Чтобы не мозолил глаза односельчанам, Олимпиада Сергеевна исчезла из Акулова, затерялась и осела в безвестном городке Ульяеве, где вскоре вышла замуж за капитана речного катера.

Какая же это красавица была пара: стройный, широкоплечий, мускулистый капитан и смуглая, гибкая, с грациозно-ленными движениями сытого зверя Олимпиада Сергеевна!